

Иван Иванович Панаев

Как добры люди!

Иван Панаев

Как добры люди!

«Public Domain»

1834

Панаев И. И.

Как добры люди! / И. И. Панаев — «Public Domain», 1834

«Какъ я люблю огромную залу, горящую тысячами огней, которые ослѣпительно играютъ на позолотѣ и бесконечно отражаются въ неизмѣримыхъ зеркалахъ, и эти цвѣтныя гирлянды дамъ, ароматическія гирлянды, переплетенныя жемчугомъ, брилліантами и золотомъ, и этотъ бѣшенный вальсъ, такъ хорошо понятый геніемъ гостиныхъ, этимъ плѣнительнымъ Штраусомъ, танецъ соблазна и нѣги, отъ котораго замираетъ дыханіе!...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иван Иванович Панаев

Какъ добры люди!

Посвящается М. А. Языкову.

Поэтъ, не дорожи любовію народной.
А. Пушкинъ.

* * *

Какъ я люблю огромную залу, горящую тысячами огней, которые ослѣпительно играютъ на позолотѣ и бесконечно отражаются въ неизмѣримыхъ зеркалахъ, и эти цвѣтныя гирлянды дамъ, ароматическія гирлянды, переплетенныя жемчугомъ, брилліантами и золотомъ, и этотъ бѣшенный вальсъ, такъ хорошо понятый геніемъ гостиныхъ, этимъ плѣнительнымъ Штраусомъ, танецъ соблазна и нѣги, отъ котораго замираетъ дыханіе!.. Этотъ неумолкающій говоръ, и отрывки рѣчей, и полувзгляды, и вѣчное движеніе, и странная пестрота, и фантастическое великолѣпіе – развѣ все это не поэма въ полномъ и современномъ значеніи этого слова, и развѣ она не занимательнѣе цѣлыхъ страницъ in-folio, вырванныхъ изъ громадной Илиады, развѣ не пестрѣе, не цвѣстистѣе и не понятнѣе какой-нибудь длинной сказки Шехеразады?.. Сколько любви, сколько страстей, сколько надеждъ, сколько мыслей волнуются въ этой залѣ! А подъ громъ оркестра, подъ чародѣйные звуки, подъ гармоническій голосъ Россини и Моцарта, сердце сильнѣе бьется въ груди, страсти мятежнѣе разгораются, ярче блещетъ надежда, мысли какъ-то легче настраиваются на поэтическій ладъ и бесконечнѣе развиваются...

Мнѣ всегда казались сомнительными люди, нападающіе на общество, люди, злословящіе людей. И, въ самомъ дѣлѣ, эти Манфреды и Лары въ короткихъ и узкихъ фракахъ, съ черепаховыми лорнетками на груди, проповѣдывающіе байронизмъ и важно разсуждающіе о Гётевомъ «Фаустѣ», прислонясь къ мраморному камину, уставленному вычурными вещами *рококо* – не должны ли они, эти люди, казаться немного сомнительными? – Но мнѣ непріятна хула на людей даже въ устахъ человѣка, не выходящаго изъ ограниченнаго очертанія своего домашняго круга и читающаго только въ русскихъ переводахъ повѣсти Бальзака и Зандъ.

Я не разъ слышалъ разсказы о злобѣ людей, о ихъ эгоизмѣ, мстительности и о прочемъ, скрывающемся подъ непроницаемою личиною милой свѣтской привѣтливости: эти рѣчи вырывались часто изъ сердца глубоко уязвленнаго; въ рѣчахъ была та страдальческая музыка, отъ которой нехотя навертываются на глазахъ слезы; и странно: при всемъ этомъ я до сихъ поръ еще такъ люблю людей и такъ простодушно вѣрю ихъ добросердечію!

Или опытъ не сжималъ меня своею желѣзною рукавицей, или я принадлежу къ числу тѣхъ *милыхъ* людей, которымъ, Богъ знаетъ почему, истина никогда не показывается лицомъ къ лицу, и которые вѣчно скользятъ по поверхности человѣчества?

Да, что ни говорите, а въ человѣкѣ мнѣ кажется все искреннимъ отъ самыхъ важныхъ дѣйствій его до самаго незначительнаго движенія. Я не могу себѣ представить злодѣя съ простодушною улыбкою, подлеца, не краснѣя говорящаго о чести, ханжу, со слезами разсуждающаго о высокомъ христіанскомъ долгѣ. Въ Тартюфѣ я никогда не могъ видѣть лицо дѣйствительное; правда, Яго, Шекспировъ Яго всегда смущалъ меня, но я гналъ прочь отъ себя образъ этого демона, это чудовищное порожденіе исполина-поэта. Я думалъ – и часто теперь думаю: если я не далъ повода людямъ дѣлать мнѣ зло, они, вѣрно, не сдѣлаютъ мнѣ зла... и искренно жму руку каждому, и считаю каждое привѣтствіе на это рукопожатіе искреннимъ...

Случилось (не помню, очень давно кто-то сказывалъ мнѣ) – что отъ одного слова какой-то жеишины зависѣло счастье или несчастье, спокойствие или страданье цѣлаго семейства. Она очень хорошо знала объ этомъ, и что же? Слывя въ свѣтѣ за необыкновенно *чувствительную* и *добродѣтельную*, не запинаясь, еще съ равнодушною улыбкою, произнесла слово, которымъ погубила цѣлое семейство и сдѣлалась убійцею человѣка. Правда ли это? Какъ смѣть поручиться, что этотъ поступокъ былъ умысленный?

Нѣтъ, это клевета на людей, самая дерзкая клевета! О, люди понимаютъ и умѣютъ сочувствовать до самоотверженія несчастію вчуже. Нужно ли слезъ – они плачутъ; нужно ли утѣшенія – они утѣшаютъ, и съ какимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, съ какою энергическою силою!.. Слово и слезы! чего же болѣе? Они плачутъ въ театрѣ отъ кривляній актера, закалывающаго себя бумажнымъ кинжаломъ; ихъ слезы градомъ льются на чувствительныя страницы какого-нибудь романа... О, какъ же они должны сострадать истинному несчастію! Я убѣжденъ, что людямъ доступно все высокое, все прекрасное – и безграничная степь морской зыби, позлащенной вечернею зарею, и молнія, мгновенно обхватывающая пламенемъ черное небо, мгновенно озаряющая землю страшнымъ сіяньемъ послѣдняго дня, и тихій вечеръ, растворенный ароматомъ цвѣтовъ, когда вся природа роскошно отдыхаетъ, упоительно нѣжится, когда все въ дивномъ, благоговѣйномъ безмолвіи, только соловей свищетъ, трелить и заливается...

Ради Бога, не увѣряйте меня, что для людей мертва поэзія природы. Неправда! Они съ благоговѣйнымъ страхомъ, съ молитвою на устахъ, внемлютъ гласу Божьему въ часъ бури; они съ трепетомъ сердца, съ замираніемъ духа прислушиваются къ выстраданной гармоніи великаго поэта.

Для нихъ дорогъ онъ – избранникъ Господень, вдохновенный провидѣць грядущаго, чудодѣйственно возносящій ихъ къ небу и съ недостижимой высоты показывающій имъ, бѣднымъ муравьямъ, на точку земли, гдѣ они суетливо и безтолково роятся! И они, въ награду за это, лелѣютъ его, устилаютъ жизненный путь его цвѣтами, хранятъ его, какъ зѣницу ока! – Я гдѣ-то читалъ: «общество убило поэта». Какая нелѣпая фраза! Эти *добрые*, сострадательные люди, составляющіе общество, посягнуть на жизнь своего собрата, и еще какого собрата – который доставлялъ имъ столько свѣтлыхъ, отрадныхъ минутъ въ жизни? Они вырвутъ изъ собственной діадемы единственное ея украшеніе, многоцѣнный камень, сіявшій тысячами радужныхъ переливовъ – вырвутъ и безумно втопчутъ его въ грязь?.. Это смѣшно! Можно ли составлять такія бессмысленныя фразы и такъ безжалостно позорить общество?..

Можетъ быть, точно, люди бываютъ иногда причиною гибели поэта, но это совершенно неумышленно, только по одному невѣдѣнію. И потомъ какими тяжкими страданіями, какою раздирающею горестію выкупаютъ они свое невинное преступленіе! Посмотрите, какъ, рыдая, они обступаютъ гробъ великаго человѣка – а вѣдь эти рыданія такъ искренни! Они готовы выплакать сердце, смотря на безмятенное чело навѣки успокоившагося страдальца. Когда терновый вѣнокъ жизни упалъ съ головы его, они украшаютъ эту священную голову лаврами. *Добрые люди!* Нто, если бы онъ, великій, возсталъ въ эту минуту и посмотрѣлъ на свою апофеозу? Не правда ли, онъ примирился бы въ лицѣ этихъ людей съ цѣлымъ человѣчествомъ, онъ обнялъ бы ихъ какъ братьевъ?

Да, несмотря ни на какія выходки ненавистниковъ человѣчества, я снова повторяю, что убѣжденъ въ добротѣ людей... И вотъ почему я люблю эти торжественныя, великолѣпныя соборща, ихъ балы и рауты, гдѣ жизнь, доведенная до высшей степени цивилизаціи, какъ искусно выграненный алмазь, блеститъ, ослѣпляя. Вотъ почему я люблю безтребовательныя, семейныя сходки, гдѣ все дышитъ патріархальною простотою, радушіемъ и этимъ христіанскимъ спокойствіемъ – высшею мѣтою человѣческаго счастья. О, я хочу жить съ людьми! Чѣмъ болѣе людей вокругъ меня, тѣмъ мнѣ легче. Я открою имъ всѣ тайныя мои помыслы, мои надежды, все, что хранится въ тайникѣ моего сердца – и они поймутъ меня. Тогда, въ минуту скорби, они

растолкуют мое горе; въ минуту отчаянія они безмолвно прижмутъ меня къ груди своей. Что на свѣтѣ отраднѣ участія – мысли, что тебя понимаютъ, что состраждутъ тебѣ?

Я непремѣнно перестану слушать этихъ чудаковъ, которые хотятъ во что бы то ни стало быть врагами человѣчества: я буду бѣгать отъ нихъ и отъ ихъ темныхъ и вялыхъ повѣстей. Несчастные! они, право, смѣшны и жалки; ихъ должно просто оставлять въ покоѣ, Богъ съ ними, съ этими дюжинными людьми!

Жаль только, когда человѣкъ съ душою сильною и энергическою впадаетъ въ подобное заблужденіе. Съ годъ тому назадъ я встрѣтилъ такого человѣка и слышалъ его разсказъ. Этотъ разсказъ врѣзался въ моей памяти; я не проронилъ изъ него ни одного слова, и хотя онъ сильно подѣйствовалъ на меня, но все-таки не могъ поколебать мои вѣрованія. То было, какъ теперь помню, въ одинъ изъ тѣхъ скучныхъ осеннихъ вечеровъ, когда небо сливается съ землею мгlistымъ, дождливымъ туманомъ; когда дымъ стелется по землѣ; когда сырость насквозь проникаетъ васъ; когда нѣтъ этого постепеннаго перехода отъ сумерекъ къ ночи, этого таинственнаго и отраднаго часа... Еще не было семи часовъ, а уже огни тускло мерцали сквозь туманъ во многихъ окнахъ, изъ десяти шагахъ на улицѣ нельзя было различить человѣка. Плащъ мой отяжелѣлъ отъ дождя; съ полей шляпы моей начинали скатываться капли; я чувствовалъ дрожь; до квартиры было далеко... Тутъ только я вспомнилъ объ одномъ моемъ коротко знакомомъ, который жилъ въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ я остановился въ раздумьи: куда бы укрыться отъ ненастья? Черезъ минуту я былъ въ теплой комнатѣ, и даже у камина, и – что еще лучше – въ обществѣ людей близкихъ мнѣ. Когда, послѣ обычныхъ разспросовъ и возгласовъ, я улегся въ уютныхъ креслахъ и подкатился къ камину, хозяинъ дома сказалъ кому-то:

– Ну, что жъ, продолжайте. Вотъ вамъ еще слушатель, и, предупреждаю, самый отчаянный защитникъ человѣчества, во всѣхъ поступкахъ людей видящій одну хорошую сторону.

Я поставилъ къ стѣнѣ вычурную лопатку, которою лѣниво переворачивалъ уголья въ каминѣ, и оборотился въ сторону. Въ эту только минуту я увидѣлъ незнакомаго человѣка, котораго совершенно не замѣтилъ при входѣ, и къ которому, вѣроятно, относились слова хозяина. Этотъ человѣкъ сидѣлъ нѣсколько поодаль камина, въ тѣни, и курилъ сигару. Огонь, вспыхивающій по временамъ на кончикѣ этой сигары, освѣщаль черты лица его, и только при помощи этого минутнаго, красноватаго блеска да мерцанья въ каминѣ я успѣлъ составить очеркъ для портрета этого человѣка. Ему было лѣтъ тридцать пять, можетъ быть нѣсколько побольше; смуглая кожа обтягивала сухощавое лицо его, большіе каріе глаза изрѣдка свѣтились изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей, безпрестанно двигавшихся.

Онъ ни слова не отвѣчалъ на замѣчаніе хозяина дома, будто оно не относилось къ нему; онъ, казалось, не замѣтилъ моего движенія и взгляда, только пустилъ изо рта густое облако дыма, и когда это облако разостлалось по комнатѣ, я увидѣлъ при свѣтѣ постепенно разговаривающаго камина, какъ онъ медленно приподнималъ брови, недовѣрчиво осматривалъ меня съ ногъ до головы, какъ нижняя губа его пошевелилась насмѣшливо, и потомъ, какъ онъ снова надвинулъ брови на глаза. Странно! Какое-то незнакомое мнѣ доселѣ чувство робости и сознаніе въ собственной слабости промелькнули во мнѣ въ ту минуту, когда онъ меня осматривалъ.

Всѣ молчали. Это молчаніе становилось какъ-то неловко. Я понималъ, что присутствіе этого чловѣка тяготитъ не одного меня, что онъ имѣетъ странное вліяніе на всѣхъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, при которыхъ отнимается и свобода, и веселость. Видно, этотъ господинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Я снова принялся за лопаточку и началъ переворачивать уголья въ каминѣ. Наконецъ хозяинъ дома рѣшилъ прервать тягостное молчаніе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.